

Глава II

СУЩНОСТЬ ПЕРЕВОДА

Сущность перевода — один из центральных вопросов переводоведения. От того, как понимается сущность перевода, зависит принципиальное решение таких важных для теории перевода проблем, как переводимость, эквивалентность, адекватность и др. Ведь для того чтобы решить эти проблемы, необходимо дать ответ на вопросы о том, что такое перевод, каковы его наиболее характерные и существенные признаки, где проходит грань между переводом и смежными видами речевой деятельности, каковы его языковые и вне-языковые аспекты, какое место он занимает среди других видов межъязыковой коммуникации. Выяснению этих вопросов и посвящена настоящая глава.

ПЕРЕВОД КАК АКТ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассмотрение вопросов, связанных с выявлением сущности перевода, мы начнем с одного из наиболее общих его аспектов, а именно с перевода как межъязыковой коммуникации. В изучение этого аспекта перевода существенный вклад был внесен учеными ГДР. Так, в работе Г. Йегера "Перевод и лингвистическая теория перевода" вводится ряд понятий, позволяющих уточнить само понятие межъязыковой коммуникации и место перевода среди других ее форм [Jäger, 1975].

Прежде всего в работе вводится понятие межъязыковой коммуникации как "коммуникации, переходящей языковые границы" (*sprachgrenzenüberschreitende Kommunikation*). Этот вид коммуникации реализуется в следующих формах: а) партнер А и партнер В общаются на языке L_a ; б) партнер А использует язык L_a , а партнер В — язык L_b , поскольку каждый из них рецептивно владеет языком другого; в) А и В используют в общении друг с другом третий язык, который каждый из них знает в дополнение к своему родному языку; г) А и В не имеют общего языка, и поскольку непосредственное общение между ними невозможно, оно должно быть опосредовано.

Несмотря на распространение знания иностранных языков, в первую очередь "мировых", изучение их не может полностью обеспечить многосторонние и неуклонно расширяющиеся международные связи. Это объясняется причинами как количественного, так и качественного характера (огромное количество языков, вовлеченных в международные контакты, невозможность обеспечения достаточно высокого уровня владения иностранными языками при их массовом изучении). Исторический опыт свидетельствует о том, что прямое общение с помощью естественных классических языков (типа латыни) и искусственных языков (типа эсперанто) также не является выходом из положения. Так, выполнявшая в свое время роль средства общения образованных европейцев латынь с течением времени утратила свои позиции в связи с формированием и функциональным развитием национальных литературных языков. Не привели к ощутимым резуль-

татам и попытки массового распространения эсперанто. Таким образом, всевозрастающая роль опосредованной коммуникации (vermittelte Kommunikation) представляет собой исторически обусловленную закономерность.

Отличительной чертой процесса опосредованной коммуникации является то, что в нем помимо двух обычных для всякого коммуникативного процесса фаз (порождение исходного сообщения партнером А и восприятие текста партнером В) есть еще и промежуточная фаза (перекодирование с одного естественного языка на другой). Эта фаза именуется языковым посредничеством (Sprachmittlung), а лицо, его осуществляющее, — языковым посредником (Sprachmittler).

Различаются два вида языкового посредничества — эквивалентное и гетеровалентное (т.е. неэквивалентное). Решающим критерием их разграничения является так называемая коммуникативная ценность (der kommunikative Wert) текста, понимаемая как его способность вызывать определенный коммуникативный эффект при реализации присущей ему коммуникативной функции. В любом виде опосредованной коммуникации различаются, с одной стороны, первичные тексты (оригиналы), а с другой — вторичные тексты, создаваемые языковым посредником. Одним из способов гетеро-валентной коммуникации является сокращение объема и ограничение коммуникативной ценности первичного текста. Порождаемый при этом вторичный текст содержит лишь наиболее существенную, с точки зрения специалиста, информацию. Процесс создания такого текста называется реферированием. Если процесс сокращения сочетается с синтезированием, речь идет о резюмировании. В отдельных случаях (например, в переработанных изданиях книг) коммуникативная ценность первичного текста приобретает новые элементы. Такие случаи квалифицируются как расширение первичного текста. Эти виды гетеровалентного языкового посредничества именуются редуцирующей транспозицией и расширяющей транспозицией.

В тех же случаях, когда партнеру А и партнеру В, вступающим в коммуникативные отношения и нуждающимся в языковом посреднике, нужно получить представление о всей коммуникативной ценности текста, возникает необходимость в коммуникативно-эквивалентном языковом посредничестве, т.е. в переводе. Сущность перевода, по мнению Г. Йегера, состоит в том, чтобы поддерживать коммуникацию между разноязычными партнерами в полной мере, т.е. сохраняя при перекодировании коммуникативную ценность первичного текста и тем самым обеспечивая коммуникативную эквивалентность первичного и вторичного текстов. При этом коммуникативно-эквивалентными тексты считаются в том случае, когда идеальный билингв (т.е. лицо в равной степени владеющее языком L_a и языком L_b), при общении с идеальным адресатом (т.е. с адресатом, в равной степени владеющим языками А и В) стоит перед свободным выбором — он может в равной мере использовать текст на языке L_a или L_b , поскольку оба текста производят один и тот же коммуникативный эффект [Jäger, 1975,25—37].

Предлагаемая Г. Йегером схема, безусловно, заслуживает рас-

смотрения. В ней правильно обращается внимание на наличие различных форм межъязыковой коммуникации — прямой и опосредованной, на особое место перевода среди других форм опосредованной коммуникации. Ценным в этой схеме является не только номенклатура предлагаемых понятий, но и их иерархия. Однако некоторые из лежащих в основе схемы Г. Йегера положений нуждаются, на наш взгляд, в уточнении. Так, например, сам автор считает, что квалификация промежуточной фазы в трехступенчатой схеме языкового посредничества как перекодирования "весьма неточна" [там же, 28]. В самом деле, едва ли можно считать перекодированием такие операции, как расширение или редукцию текста, встречающиеся, кстати сказать, не только при переработке текста, его реферировании и т.п., но и — в известной степени — в переводе.

Еще более существен вопрос о выдвигаемом в этой работе основном критерии выделения перевода. Думается, что концепция Г. Йегера несколько уязвима, поскольку, различая перевод и транспозицию, он исходит лишь из количественных показателей: транспозиция либо ограничивает, либо расширяет коммуникативную ценность текста, тогда как перевод сохраняет ее полностью. Однако наряду с количественными различиями возможны и различия качественного характера. Известны случаи, когда коммуникативная ценность не сокращается и не расширяется, но при этом радикально изменяется. В результате коммуникативный эффект вторичного текста становится совершенно иным и, стало быть, нарушается коммуникативная эквивалентность первичного и вторичного текстов. Так, например, в предлагаемую схему не укладываются некоторые французские переводы XVIII в., в которых авторский текст намеренно искажался в угоду эстетике эпохи (ср., например, изменения во французских переводах Шекспира — структуры, композиции и даже сюжета) [Федоров, 1983, 28]. Едва ли можно такие переводы считать коммуникативно-эквивалентными, хотя допускаемые в них отклонения от подлинника не сводятся к сокращению или расширению исходного текста.

Наконец, еще одно замечание. Дифференциальным признаком перевода является, согласно Г. Йегеру, его коммуникативная эквивалентность, понимаемая как исчерпывающая передача коммуникативной ценности исходного текста. Однако известно, что такая передача не всегда возможна. Подробнее на этом мы остановимся в разделе, посвященном проблеме переводимости. В связи с этим возникает вопрос: а как быть с вольным или буквальным переводами? Ведь они явно не соответствуют этому определению. Являются ли они в таком случае переводами вообще? По-видимому, выдвигаемый в работе Г. Йегера критерий носит максималистский характер. Переводом является лишь в полной мере адекватный, идеальный перевод (полностью равноценный оригиналу с точки зрения "идеального билингва"). Думается, однако, что адекватность перевода, о которой фактически идет речь, является понятием относительным: перевод может быть более или менее адекватным, не переставая при этом быть переводом. Выдвигаемый Г. Йегером критерий применим лишь к идеальному конструкту, но не к реальным переводам, обнаружи-

вающим различную степень адекватности. Подробнее эти вопросы будут рассмотрены в гл. III.

В дальнейшем Г. Йегер внес существенное уточнение в понятие коммуникативной ценности, тем самым пересмотрев выдвинутый им ранее максимальный критерий. В новой редакции понятие коммуникативной ценности складывается из "коммуникативно-релевантных свойств" текста, а целью перевода является максимальное соответствие этих свойств конечного текста свойствам исходного текста (насколько это возможно в условиях данного акта языкового посредничества) [Jäger, 1986, 7]. Здесь чрезвычайно важным представляется учет условий коммуникации, определяющих степень соответствия текстов при переводе.

Поскольку полнота передачи коммуникативного содержания не может служить в качестве дифференциального признака, отличающего перевод от других видов межъязыковой коммуникации, необходимо установить ту характерную для перевода черту, которая присуща именно ему, но отсутствует у реферата, аннотации и резюме иноязычного текста, у текста, созданного самостоятельно "по мотивам" первичного текста, пересказа и др.

Важность постановки этого вопроса правильно подмечена Л.К. Латышевым, исходящим из того, что перевод как вид языкового посредничества, необходимый на определенных этапах развития человеческого общества, — явление общественное. Относительная устойчивость общественных требований к переводу позволяет говорить о его общественном предназначении, являющемся фактором общественного сознания. По мнению Л.К. Латышева, общественное предназначение перевода — его постоянный классификационный признак, присутствующий во всех его реализациях. В чем же заключается общественное предназначение перевода? Л.К. Латышев отвечает на этот вопрос следующим образом: «...общественное предназначение перевода заключается в том, чтобы максимально (в данных лингвистических и экстралингвистических условиях) приблизить двуязычную коммуникацию с переводом к „естественной“, одноязычной коммуникации как в части выполняемых коммуникативных функций, так и с точки зрения средств их осуществления» [Латышев, 1983, 7—8]. Это означает, что по ряду параметров двуязычная коммуникация с переводом должна быть сравнима с одноязычной, хотя, как признает автор, никогда не может сравниться с ней полностью.

Отстаиваемые Л.К. Латышевым положения о социальной детерминированности перевода, об определяющей роли требований, которые предъявляет к переводу общество, представляются вполне справедливыми и обоснованными. Можно согласиться с тем, что отличительные признаки перевода носят социально обусловленный характер. Однако спорно, на наш взгляд, утверждение, согласно которому общественное предназначение, являющееся постоянным, классификационным признаком перевода и присутствующее во всех его реализациях, сводится к тому, что перевод должен быть максимально приближен к тексту "естественной" одноязычной коммуникации.

В самом деле, сформулированный Л.К. Латышевым критерий напоминает фигурирующее в приведенном выше перечне "парадоксов перевода" требование: "перевод должен читаться как оригинал". Однако этому требованию в перечне противостоит другое, диаметрально противоположное: "перевод должен читаться как перевод".]

"Парадоксы перевода" разрешались по-разному в разных национальных ареалах и в разные исторические эпохи. Это относится в полной мере и к данному парадоксу, который разрешался то в пользу "естественности", то в пользу "инокультурного" колорита. Иными словами, приближение перевода к нормам одноязычной коммуникации носит относительный характер и поэтому не может выдвигаться в качестве его инвариантного дифференциального признака.

Л.С. Бархударов и Л.А. Черняховская считают, что дифференциальным признаком перевода является "сохранение неизменным плана содержания, то есть значения" [Бархударов, 1975, 11; Черняховская, 1976, 3]. Ниже остановимся подробнее на этом вопросе I в связи с проблемами эквивалентности и переводимости. Сейчас же достаточно указать на то, что это требование носит столь же максималистский характер, что и требование Г. Йегера, предусматривающее исчерпывающую передачу "коммуникативной ценности" оригинала. Более того, оно явно противоречит таким широко известным переводческим операциям, как генерализация, конкретизация, добавление и опущение, которые по своей сути модифицируют план содержания. Еще более заметные сдвиги в плане содержания влечет за собой учет прагматических факторов, требующий порой включения в текст дополнительных элементов и исключения из него элементов, избыточных с точки зрения иноязычного получателя [Швейцер, 1973, 262].

В чем же состоит отличительная черта перевода, позволяющая противопоставить его другим видам опосредованной межъязыковой коммуникации? В научной литературе порой высказываются сомнения относительно возможности выделения такой черты. Так, в цитированной выше работе Г. Тури мы находим прямое указание на то, что единого признака, позволяющего охарактеризовать данное явление как перевод, не существует, поскольку у различных видов перевода нет фиксированного материального тождества. Перевод, по мнению Г. Тури, относится к тем явлениям, у которых отсутствует единый объединяющий признак, хотя их косвенно объединяют разнообразие связи, напоминающие волокна, из которых прядут нить. Такого рода связь, или, по выражению Л. Витгенштейна, "семейное сходство" (различные перекрещивающиеся и переплетающиеся черты сходства, подобные тем, которые обнаруживают члены одной семьи), наличествует у разных видов перевода и позволяет объединить их в единый класс [Toury, 1980].

Так ли это? Верно ли то, что перевод представляет собой класс я разрозненных явлений, объединяемых лишь косвенно на основе отдельных, не обязательно присутствующих у каждого члена класса

признаков? Постараемся разобраться в этом. Как уже отмечалось выше, перевод относится к классу феноменов, охватываемых родовым понятием "межъязыковая коммуникация", внутри которого выделяются два подкласса: "прямая межъязыковая коммуникация" и "опосредованная межъязыковая коммуникация". Перевод входит во второй подкласс, где он соседствует с такими явлениями, как реферат, аннотация, пересказ, переложение иноязычного текста, новое произведение, созданное по мотивам оригинала. Думается, что в сопоставлении с ними перевод обнаруживает характерную для него черту, отсутствующую у смежных явлений. Этой чертой является то, что и составляет основное предназначение перевода: замещать или рецензировать первичный текст в другой языковой и культурной среде.

В самом деле, все явления, входящие в подкласс опосредованной коммуникации, характеризуются тем, что в них участвует языковой посредник, и тем, что в результате соответствующих процессов порождается вторичный текст, в какой-то мере отражающий первичный (исходный) текст. Однако в результате реферирования или аннотирования создается текст, не замещающий текст оригинала и не репрезентирующий его, а лишь содержащий краткое и обобщенное изложение его основного содержания или его предельно сжатую чисто информационную характеристику. Ни реферат, ни аннотация не замещают первичного текста, не выступают в его ипостаси. Они лишь содержат информацию о нем.

Не замещают первичного текста и тексты таких жанров, как пересказ и переложение. Даже мастерски выполненный в пределах одного и того же языка пересказ (например, "Рассказы из Шекспира" Чарльза и Мэри Лэм — пересказы пьес Шекспира для детей) не ставит перед собой цели репрезентировать оригинал.

Несколько сложнее обстоит дело с новым художественным текстом, навеянным мотивами оригинала. Особенно трудно различить перевод и неперевод в поэзии, где законы жанра допускают большую свободу в ориентации на первичный текст и где в значительно большей мере, чем в других жанрах, присутствуют элементы сотворчества.

Сравнительно несложно отграничить от перевода этот жанр в его крайнем проявлении, когда связь с оригиналом едва уловима. Таково, например, вольное переложение "на мотив из Бернса" стихотворения "I hae a wife o' my ain", опубликованное Д.Д. Минаевым в 1868г. под названием "На чердаке":

I hae a wife o' my ain,
 I'll partake wi' naebody;
 I'll tak Cuckold frae nane,
 I'll gie Cuckold to naebody;
 I hae a penny to spend,
 There, thanks to nobody;
 I hae nothmg to lend,
 I'll borrow frae naebody.

Всем я людям чужой,
 И чужие все мне.
 Только вечно со мной
 Тень моя на стене
 Мне подруга верна, —
 Я подругу цену,
 А изменит она, —
 Так и я изменю.

Однако существует немало переходных случаев, когда однозначная квалификация текста как перевода или неперевода представляется крайне сложной. Ср., например, следующий отрывок из маршаков-

ского перевода 74-го сонета Шекспира:

So then thou hast but lost the dregs of life,
The pray of worms, my body being dead;
The coward conquest of a wretch's knife,
Too base of thee to be remembered.
The worth of that is that which it contains,
And that is this, and this with thee remains.

С тобою будет лучшее во мне,
А смерть возьмет у жизни быстротечной
Осадок, остающийся на дне,
Все, что похитить мог бродяга встречный.
Ей черепки разбитого ковша,
Тебе мое вино, моя душа

Степень самостоятельности, "невторичности" маршаковского текста чрезвычайно высока. В нем возникает отсутствующий в оригинале второй план, образуемый цепочкой метафор: *осадок... на дне — ковш — черепки — вино*. Единственной опорной точкой для этого в оригинале могло послужить словосочетание *dregs of life*, по-видимому истолкованное как 'осадок жизни'. Но здесь *dregs* скорее употреблено в значении "the worst and useless part" (см. Oxford Advanced Learner's Dictionary), хорошо согласующемся с общим смыслом текста. Вместе с тем С. Маршак очень тонко воспроизвел глубинный смысл шекспировского сонета и сделал это, как всегда, талантливо и ярко. Достаточно ли этого, чтобы считать текст переводом, а не собственным произведением, созданным по мотивам оригинала? Думается, что для однозначного ответа на подобный вопрос у нас нет (и, пожалуй, не может быть) точных критериев. В такой сложной и многомерной области, как поэтический перевод, соотношение первичности и вторичности в тексте представляет собой переменную величину, и поэтому сказать, где кончается перевод и начинается самостоятельное творчество, далеко не всегда возможно.

Таким образом, для выделения перевода из других видов межъязыковой коммуникации необходимо сочетание двух признаков: вторичности текста и установки на замещение (репрезентацию) исходного текста в другой языковой и культурной среде.

ЯЗЫКОВЫЕ И ВНЕЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

В гл. I, в разделе, посвященном предмету теории перевода, отмечалось, что в число компонентов переводческой деятельности, моделируемой в теории перевода, входят противопоставленные друг-другу языки, тексты, культуры и ситуации. Таким образом, в процесс перевода вовлекаются как языковые, так и внеязыковые компоненты. Однако вопрос о их соотношении и о роли каждого из них еще не вполне ясен. Для того чтобы попытаться на него ответить, необходимо обратиться к моделям перевода, в которых отражаются наиболее существенные, с точки зрения теоретиков перевода, стороны этого процесса. Одну из таких моделей предложил в свое время известный специалист в области теории перевода О. Каде (ГДР) [Rade, 1968] (схема 2).